

— Я знаю, но...

Внезапно перед ними возникла полноразмерная голографическая проекция размером с подушку. Мин Лай осекся на полуслове. Глядя на человека, появившегося на экране, он застыл с открытым ртом, забыв его закрыть. Спустя мгновение его тон совершил крутой разворот на сто восемьдесят градусов, став на удивление спокойным и любезным:

— Может, откроем дверь и встретим гостя?

— Это твой дом, неужели ты будешь спрашивать нашего разрешения, чтобы принять посетителя? — Бо Юньшэн был озадачен такой резкой переменой. — Что, это какая-то твоя тайная любовница?

Мин Лай промолчал, не сводя глаз с сидевшей напротив него красноволосой девушки.

Дорея помрачнела. Вся её недавняя расслабленность, с которой она подшучивала над Бай Цзюнем, мгновенно испарилась, а пальцы рук судорожно сплелись в замок. Заметив взгляд Мин Лая, она подняла глаза и холодно произнесла:

— На что ты смотришь? Это гость пришел к тебе, а не ко мне. Выгнать её или оставить — разве ты сам не знаешь, как поступить?

Мин Лай пробормотал:

— На самом деле, не факт, что она пришла именно ко мне. И я понятия не имею, что тут вообще происходит.

Эта странная атмосфера наконец заставила Бо Юньшэна заподозрить неладное.

— Вы оба знаете эту девушку за дверью?

Мин Лай ответил:

— Можно сказать, что знаю.

Дорея отрезала:

— Не знаю.

Они ответили одновременно, но их слова оказались диаметрально противоположными.

Бо Юньшэн вопросительно поднял бровь.

— Учитель, я знаю, что вы внутри. Ученица пришла не с дурными намерениями, я просто хочу взглянуть на вас. Убежусь, что вы в порядке, и сразу уйду. Умоляю, позвольте мне увидеть вас хоть раз.

На голографическом экране девушка в простом платье с распущенными волосами стояла на коленях перед дверью, раз за разом ударяясь лбом о порог.

— Умоляю, позвольте мне увидеть вас.

Лицо девушки было мертвенно-бледным, губы лишились всякого цвета. При этом черты её маленького, размером с ладонь лица были настолько изящными, что она походила на фарфоровую куклу. Она выглядела настолько хрупкой и болезненной, что казалось, будто первый же порыв ветра свалит её с ног.

И всё же эта изможденная девушка, которая, казалось, вот-вот потеряет сознание, била поклоны с пугающим упорством. Смотреть на это было больно даже через экран, и вскоре на её лбу выступила кровь.

А её холодная и безжалостная учительница просто наблюдала за происходящим изнутри, не собираясь вмешиваться.

Бо Юньшэн не выдержал:

— Чья это ученица? Если не хотите её видеть, просто выгоните её прочь. Стоять у порога и биться головой об пол — это же просто неприлично.

В душе Мин Лая всколыхнулось чувство признательности. Не зря он столько лет пытался облагородить окружающих — посмотрите-ка, нашелся наконец человек, способный говорить по-человечески и сопереживать другим.

Однако не успела эта благодарность дойти до самого сердца, как следующая фраза Бо Юньшэна разбила её вдребезги:

— А если вам лень возиться, я могу выйти и прикончить её, чтобы не мучилась.

Как только это было сказано, оба собеседника встrepенулись.

Мин Лай вскрикнул:

— Нет!

Дорея добавила:

— Оставь её.

— А-а, — Бо Юньшэн понимающе улыбнулся. — Так это твоя ученица, Дорея. Раз ты так беспокоишься о её жизни, почему бы просто не открыть дверь и не поговорить?

То, что добряк Мин Лай решил заступиться, Бо Юньшэна несколько не удивило — он всегда был таким, мягкосердечность у него была в крови. Но Дорея — совсем другое дело. Она никогда не заботилась о судьбе посторонних.

Точнее говоря, в их команде, кроме Мин Лая, никто не интересовался чужой жизнью, ставя во главу угла лишь собственные интересы. Если Дорея подала голос, чтобы остановить его, значит, дело было личным и затрагивало её интересы.

Мин Лай спросил:

— Встретишься с ней? Если она продолжит так биться, твоя маленькая ученица действительно умрет прямо на пороге.

— Пусть убирается.

Дорея вмиг стала безжалостной, словно это не она секунду назад просила не трогать девушку.

— Ладно, — Мин Лай, не удивленный таким исходом, включил систему голосовой связи и обратился к голограмме: — Она не хочет тебя видеть. Нет смысла здесь стоять, лучше уходи поскорее. Иначе, если охрана придет её выпроваживать, будет совсем некрасиво.

— Она... не хочет меня видеть?

Девушка застыла, и в одно мгновение жизнь словно покинула её тело. Её глаза расширились от неверия, а по щекам потекли беззвучные слезы.

Бо Юньшэн не понимал происходящего:

— Она что-то сделала не так, раз ты не хочешь её видеть? Почему она выглядит так, будто её это доконало?

В глазах Бо Юньшэна эта слабая девушка не могла причинить Дорее никакого вреда.

Напротив, Дорея была той, кто мог в любую секунду свернуть ей шею. То, что Дорея её не обижает, уже можно было считать милосердием. Почему же тогда девушка выглядит так, будто это она перед ней виновата?

— Она ни в чем передо мной не виновата, — Дорея криво усмехнулась. — Это я виновата перед ней, поэтому и не хочу встречаться. Есть вопросы?

Бо Юньшэн подумал про себя: ну вот, теперь всё сходится.

— Тогда почему она так к тебе относится? — спросил он.

Дорея лениво ответила:

— Может, синдром утенка? Кто знает. Девчонка совсем с ума сошла, не слушает доводов, что я могу поделаться.

— Всё, она ушла.

Когда девушка, шатаясь, скрылась из виду, голограмма исчезла. Мин Лай не смог сдержать вздоха:

— Вот серьезно, за все эти годы никто не приходил ко мне по моим делам... Вам не кажется, что пора задуматься, почему все ищут вас именно у меня?

Бо Юньшэн попал в самую точку:

— Потому что Бай Цзюнь всё время живет у тебя, а Дорея в своем доме вообще почти не появлялась. Все знают, что если хочешь найти их обоих, проще всего попытаться счастья у тебя. Разве это не известно всему сказочному факультету?

Мин Лай промолчал.

Оказалось, что главный страдалец — это он сам.

— Ладно, продолжайте смотреть трансляцию Бай Цзюня, я пойду вздремну, не беспокойте меня по пустякам.

Дорея грациозно зевнула, раскрыла свой дизайнерский кружевной веер с бриллиантами и неспешно направилась к лестнице. Её ярко-красные волнистые волосы покачивались при каждом шаге, подобно багровым морским волнам. Каждое её движение было исполнено элегантности.

Бо Юньшэн заметил:

— Подозреваю, что Бай Цзюнь учился манерам именно у Дореи.

Мин Лай уже вернулся к просмотру трансляции:

— Подтверждаю твою догадку, так оно и есть. Наш маленький грибочек всегда берет лучшее от других и отбрасывает худшее. Он всему учится, настоящий прилежный ребенок.

Бо Юньшэн промолчал.

Он всегда подозревал, что Бай Цзюнь подмешал Мин Лаю какое-то зелье. Иначе как объяснить, что после сотен людей, осаждавших его дом из-за Бай Цзюня, и после выслушивания сотен гневных отзывов о нем, Мин Лай всё еще свято верит, что тот — хороший мальчик?

Если Бай Цзюнь — хороший мальчик, то на всем сказочном факультете вообще нет плохих людей.

Ведь кто может быть хуже Бай Цзюня? Он мог секунду назад умолять о спасении, а в следующую — столкнуть своего спасителя в яму и утопить.

Отвечать злом на добро, забывать об услугах — это было в его стиле.

<http://bllate.org/book/20224/2013653>